

Юрий Гагарин и Никита Хрущев на Внуковском аэродроме, 14 апреля 1961 года

«Литературная газета», номер от 13 апреля 1961 года

Наоборот, папа радовался, когда американцы тоже куда-то летали, и страшно раздражался, когда по радио постоянно говорили: «мы опять победили Америку». Для него это была победа человечества, а не отдельной страны. Такое ощущение общего неба, без разделения на страны, было важно для настоящих летчиков. К Гагарину при этом все относились хорошо. Он был симпатяга, у него была светлая улыбка, очень подходящая герою. Он всегда хорошо и по-человечески отвечал на вопросы, а мой муж помнит, как Гагарин пришел к ним во Дворец пионеров и каждому ребенку пожал руку. Но среди детей на вопрос «кем ты хочешь стать?» отвечать «космонавтом» — считалось даже не очень приличным, как будто ты такой специальный отличник и хочешь быть хорошим. Все рассказы, как дети хотели быть космонавтами, играли в космонавтов — это скорее в фильмах и книгах. Зато я помню, как дети во дворе играли не в сам полет, а в сообщение ТАСС и даже ходили с тазами на головах и повторяли: «сообщение-таз» — так же, как мы клали копеечки в баночки, потому что слышали где-то, что деньги хранят в банках. Гагарина любили, как любят киноактеров, с официальной пропагандой это шло по каким-то разным ведомствам. Все демонстрации и народные гуляния были организованы, людей заранее собирали и распределяли по колоннам. Дети все равно хотели в этом участвовать, и мне тоже туда очень хотелось, но никто из родителей не был готов встать в семь утра и ехать куда-то, а потом идти на Красную площадь. За все детство я только один раз была на демонстрации — и тогда же я единственный раз живьем видела Гагарина, это было через два года после его полета в космос, когда в Москву приехал Фидель Кастро и Гагарин был с ним и Хрущевым на трибуне. Вообще в начале 60-х, как мне помнится, во всем хотели видеть положительный аспект. Например, все знали, что в космонавты брали

только с очень чистыми анкетами, но Гагарин-то был мальчик с оккупированных территорий, а его все-таки взяли, все-таки отправили в космос — и про это на кухнях говорили, этому радовались. Леонов был из семьи репрессированных, кто-то еще — наполовину еврей, про это тоже говорили как про признаки «оттепели». Была обаятельная песенка Войновича — «давайте-ка, ребята, закурим перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать минут», из нее потребовали убрать «закурим» и заменить на «присядем перед стартом», потому что космонавты не курят. Но папа все равно пел «закурим», а Костя Таюрский, у которого папа был штурманом в войну и который служил в Звездном городке, говорил, что перед полетом космонавты как раз курили. Очень скоро стало ясно, что то, что казалось свежим ветром, на самом деле было приоткрытой ненадолго форточкой. Я помню, например, рассказ, как космонавты пригласили Евтушенко в тот же Звездный городок почитать стихи. Но он тогда был в опале, и им сказали, что не надо. Они ему позвонили и, извиняясь, все отменили. Папа был очень смущен, говорил, что могли бы быть ребята посмелее. Но смелости лететь в космос у них хватало, а сделать, как не велят, — нет. К 1968 году, когда Гагарин погиб, настало уже совсем другое время. Многие тогда искренне плакали. При этом ходили, конечно, слухи — не знаю, правда ли это, — что пьяный летел, что пил страшно. Но это всегда было без злости, в том духе, что мальчишку такого способного, простого, сломала вся эта свалившаяся слава. Похоже говорили про Есенина. Получилось, что этот мальчишка так взлетел, а потом так свалился — и в этом тоже видели некоторый символ — от надежд начала 60-х до разочарований конца десятилетия. А я очень хорошо помню его гибель, потому что он сторел в небе, в самолете, всего через два месяца после смерти моего папы, и у меня это как-то все вместе увязалось.